

он болен смертельно. Въезд князя в город описывается тогда, когда он приезжает с победой из похода или для того, чтобы сесть на столе. Совет князя с боярами описывается тогда, когда принимается какое-либо мудрое решение. Князь не принадлежит самому себе. Он изображается только как представитель своего сословия, во-первых, и как исторический деятель, во-вторых.

Миниатюры Радзивиловской летописи выдержаны в едином стиле с текстом летописи XII—XIII веков. Они этикетны и геральдичны в самом точном смысле. В них иллюстрируются главным образом те положения, которые связаны с церемониалом, официальные, которые необходимо упомянуть по этикету. Посажение князя на стол, въезд его в город, победа над врагами, прием послов, сцены инвеституры, осада князем или врагами города, подвиг князя в битве, похороны князя, выезд в поход, переговоры о мире и т. д. и т. п. — все эти действия изображены до предела лаконично. Войско изображается условной группой, город — воротной башней, мирные переговоры — трубачами, и т. д.¹

Хотя миниатюры Радзивиловской летописи и относятся к концу XV века, но по выбору сюжетов, по проникающему их духу феодального этикета они ближе всего стоят к XII и XIII векам, подтверждая тем самым гипотезу М. Д. Приселкова,² А. В. Арциховского³ и других о том, что в них копировались миниатюры более древние — свода 1212 года.

* * *

Подобное изображение людей было, конечно, близко к их прославлению. Там, где древнерусский автор сознательно стремился дать читателю представление о том человеке, о котором он писал, — обычно ясно ощущается и стремление прославить его или, напротив, унижить. О задаче искусства как о задаче прославления прямо писал в своем „Слове на седьмую неделю по Пасхе“ Кирилл Туровский: „Историцы и ветиа, рекше летописцы и песнотворци, прикланяють своа слухы к бывшая между царей рати и ополчения, да украсять словесы слышащая и възвеличатъ крепко храбровавшая и мужествовавшая по своем цари, и не давшихъ в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчатъ“.⁴

Общественное признание, „слава“ князя, его „честь“ — спутники феодальных добродетелей князя в писательском представлении того времени. Авторы XII—XIII веков не знают коллизий между тем, что представляет собой князь, и тем, как воспринимают его окружающие: его вассалы и народ. Как мы уже сказали, добродетели князя все обращены во вне, доступны для оценки; авторы XII—XIII веков не изображают скрытой, внутренней духовной жизни, которая могла бы быть неправильно понята читателями. Вот почему добрая слава не-

¹ Интересные особенности передачи в миниатюрах Радзивиловской летописи ряда сюжетов, отражающих феодальную идеологию „с диаграммной четкостью“ и „плакатной выразительностью“, вскрыты в работе А. В. Арциховского „Древнерусские миниатюры как исторический источник“ (М. 1944).

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 58.

³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. См. также рецензию Н. Н. Воронина на эту работу в „Вестнике Академии Наук СССР“, 1945, № 9.

⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.